

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.022
УДК 94(47)081."18"+821.161.1.09
ББК 63.3(2)53-3+83.3(2=411.2)52

О.А. МИЛЕВСКИЙ **НАЧАЛО ПУТИ В РЕВОЛЮЦИЮ:
О ВЛИЯНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК
ПОКОЛЕНИЯ НАРОДНИКОВ 1870- Х ГГ.**

O.A. MILEVSKY **THE BEGINNING OF THE PATH
TO REVOLUTION: ON THE INFLUENCE
OF FICTION ON THE FORMATION
OF WORLDVIEW ATTITUDES
OF THE GENERATION OF POPULISTS
OF THE 1870S.**

В статье рассматривается вопрос о влиянии художественной литературы на формирование мировоззренческих установок поколения народников 1870-х гг. Выдвигается тезис о том, что при изучении воздействия на радикальную молодежь 1870-х гг. литературы следует брать за точку отсчета годы детства, когда идет становление характера человека. Именно в этот период времени система подросткового чтения играет очень важную роль. В дальнейшем уже на основе сформированных в детские годы книжных впечатлений передовая часть поколения 1870-х гг. под влиянием демократической литературной критики начинала знакомиться с иностранными и отечественными социальными романами, которые в конечном итоге приводили ее к ломке традиционных мировоззренческих установок и принятию новой этики, проповедуемой героями этих сочинений. Это было важным шагом на пути дальнейшей радикализации сознания молодежи, которую довершало знакомство с новыми научными теориями материалистического плана и идеями «прогрессивных» социальных мыслителей и революционеров.

The article considers the question of the influence of fiction on the formation of worldview attitudes of the generation of populists of the 1870s. The thesis is put forward that when studying the impact on radical youth of the 1870s. Literature should be taken as a starting point for the years of childhood, when the character of a person is becoming. It is during this time period that the teenage reading system plays a very important role. Later, on the basis of book impressions formed in childhood, the advanced part of the generation of the 1870s under the influence of democratic literary criticism began to get acquainted with foreign and domestic social novels, which ultimately led her to break down traditional worldview attitudes and adopt a new ethics preached by the characters of these works. This was an important step towards the further radicalization of youth consciousness, which was completed by acquaintance with new scientific theories of the materialist plan and the ideas of «progressive» social thinkers and revolutionaries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Народничество, радикализм, художественная литература, детское чтение, демократическая публицистика, Н.Г. Чернышевский, Ф. Шпильгаген, революционные кружки.

KEY WORDS: Populism, radicalism, fiction, children's reading, democratic journalism, N.G. Chernyshevsky, F. Shpilgagen, revolutionary circles.

ВВЕДЕНИЕ. Споры о природе появления поколения народников 1870-х гг. и их роли в судьбах России возникли практически сразу же после того, как его представители сошли с исторической сцены. Шкала оценок и суждений об их деяниях оказалась полярной. Некогда яркий представитель этого поколения, член «великого ИК» «Народной воли» и редактор ее издания, а затем столь же ревностный монархист Лев Тихомиров в одной из постреволюционных статей весьма жестко отозвался о его судьбе: «Печальна судьба этого поколения. Не имело оно недостатка в способностях, ни в искренности, ни в готовности к самопожертвованию, а в конце концов — было ли поколение до такой степени бесплодное, так мало сделавшее, так безжалостно уложившее все в пустое место?» [35, с. 343].

Другой участник народнического движения, до конца жизни оставшийся верным его идеалам, так написал о нем: «Живи эти люди при иных политических условиях, они оставили бы глубокий след в теоретической и практической мысли нашей родины — в науке, литературе, искусстве и политике. Но история имеет порой свою логику — и отвела большинству этих людей место... на Голгофе!» [1, с. 377].

Споры о роли народников-«семидесятников» в истории России до сих пор не утихают среди представителей исторического сообщества, публицистов и даже политиков. Квинт-эссенцию современных оценок революционеров-народников очень точно сформулировала историк В.А. Твардовская — для одних «революционеры 1870–1880-х гг. — «народолюбцы и тираноборцы», для других — «бомбисты», лишённые нравственных принципов [26, с. 9].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Во многом дискуссионным остается и вопрос о природе формирования мировоззренческих установок этого поколения [19]. Хотя все чаще звучит мнение, что именно круг чтения «как поколенческий критерий идентификации можно считать одним из самых устойчивых в русском обществе, вследствие особой роли и влияния литературы на настроения и ценности общества, значения литературных героев как выразителей духа эпохи» [20, с. 30; 33, с. 60].

Итак, многие современные исследователи именно систему чтения ставят во главу угла при определении поколенческих характеристик, и народники 1870-х гг. не исключение. Вполне можно согласиться с мыслью М. Могильнер, отмечавшей, что «процесс чтения становился актом политической оппозиции. Мир беллетристики и поэзии, населенный «настоящими» людьми и пропитанный «настоящими» чувствами, становился нормативной реальностью, по правилам которой старались жить интеллигентные читатели» [20, с. 30–31], особенно передовая молодежь.

ЦЕЛЬ. Поэтому целью данной статьи и является выяснения степени влияния художественной литературы на формирование мировоззрения поколения народников 1870-х гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Однако, говоря о роли литературы и ее воздействия на молодое поколение читателей, исследователи чаще всего ведут речь о влиянии на формирующуюся личность серьезной взрослой литературы, забывая или, лучше сказать, игнорируя тот непреложный факт, что всем мы «родом из детства», и дети, чье рождение пришлось на вторую половину 1840-х — середину 1850-х гг., в результате и составившие поколение 1870-х гг., здесь не исключение.

Представляется, что, рассуждая о воздействии на них литературы, надо брать за точку отсчета именно годы их раннего детства, когда идет становление характера человека как структурного компонента личности с основными возрастными новообразованиями, характеризующими личностное развитие (познавательные способности и интеллектуализация психической деятельности, осознанность и произвольность всех психических

процессов, включая развитие рефлексивности на себя, самопознание, формирование новой идентичности и т.д.). Большинство современных психологов склоняются к мнению, что детерминантами свойств характера, помимо наследственных признаков, являются особенности средовых воздействий (влияние важных для ребенка взрослых, помимо родителей, круг чтения и т.д.)¹.

Яркая представительница поколения народников 1870-х гг. В.Н. Фигнер писала по этому поводу: «Человеческая личность складывается обыкновенно под влиянием едва уловимых вкладов, которые делают люди, книги и окружающая жизнь. Но бывает, что какой-нибудь из этих элементов делает в душе глубокую зарубку и закладывает фундамент новой строящейся личности» [43, с. 55]. И для абсолютного большинства представителей той эпохи это были именно книги.

Естественно, что свое погружение в мир чтения дети, родившиеся на заре 1850-х гг., начинали не со знакомства с работами Добролюбова или Писарева! Думается, что, размышляя о становлении их характера, нельзя не учитывать воздействие художественной литературы, прочитанной ими в ранние детские годы.

Дети, чье рождение пришлось на переходную эпоху двух царствований от Николая I к Александру II, повсеместно воспитывались в семьях, где господствовали вкусы николаевской эпохи. В эпоху Николая I фактический запрет на европейскую мысль и свежее слово привел к тому, что читающая Россия вынуждена была в огромных количествах поглощать доморожденных «классиков» — писателей так называемой риторической школы, наиболее потребных императорскому вкусу. Тогда повсеместно в каждой образованной семье можно было найти не только булгаринский альманах «Северная пчела», сочинения Н.И. Греча, Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина, но и в изобилии книги Н.В. Кукольника и О.И. Сенковского (писал под псевдонимом барон Брамбеус), массово выходившие и отдельными тиражами, и в издаваемом ими ежемесячном журнале «Библиотека для чтения».

К счастью, в период «золотого века» русской культуры появились книги и журналы, содержавшие произведения действительно знаковых российских писателей и поэтов (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко, раннего И.С. Тургенева), но все же их было крайне мало на фоне господства писателей «риторической школы».

Система детского чтения как таковая также оставляла желать лучшего. По мнению современных экспертов, «первая половина XIX в. по праву считалась «временем застоя» для детского чтения и литературы. В это время во всех образовательных учреждениях (кадетские корпуса, институты, гимназии) преобладало чтение книг не на русском, а на французском языке. Это факт послужил для распространения в России сентиментального нравоучительного направления в детской литературе, в рамках которого особенно эффективной была деятельность Сергея Глинки и Александры Ишимовой [24, с. 95]. Сергей Глинка издавал несколько лет журнал «Новое детское чтение», являясь последователем деятельности Новикова и Карамзина. Однако содержание журнала «Новое детское чтение» не было интересным» [24, с. 95]. Наиболее популярными сочинениями А.И. Ишимовой являлись «Священная история» и «Рассказы по русской истории», которые были представлены в виде беседы воспитателей или родителей с детьми» [24, с. 96]. То есть чтение хотя и познава-

1 В отечественной психологии возраст определяется как динамическое, постоянно меняющееся многоструктурное образование, обеспечивающее реализацию линий психического развития личности. Главным фактором, определяющим возраст, является представление о социальной ситуации развития, под которой понимается «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительно неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» [8]. С точки зрения наиболее известной в отечественной науке классификации периодов развития человека (Эльконин Д.Б., Выготский Л.С.), возраст от 3-х до 15-ти лет является сензитивным периодом для становления характера, когда психика ребенка наиболее восприимчива к внешним воздействиям и формированию определенных качеств личности [8, 48] По мнению ряда исследователей (Ф. Арьес и др.), во второй половине XIX в. критерии возрастных периодов были примерно такими же.

тельное, но не слишком интересное для детского уха. Наблюдался в это время в Российской империи и явный дефицит детских журналов², они практически не издавались, а те, которые все же выходили, имели малую популярность из-за их «убогого» содержания [24, с. 99]. Так что на российском детском книжном рынке вплоть до 1850-х гг. присутствовали в основном весьма скучные нравоучительно-познавательные произведения. Поэтому неудивительно, что первую половину XIX в. эксперты считают временем упадка для отечественной детской литературы [24, с. 97].

Зато как раз на рубеже 1840-1850-х гг. в мировой литературе произошли события, которые напрямую повлияли и на российскую словесность. Пока в Российской империи господствовало «мрачное семилетие» (1848-1855 гг.), в мире зарубежной литературы возникли замечательные образчики литературного стиля, который критики назовут «прогрессивным романтизмом». Вслед за теми же Дж. Байроном, П. Шелли, А. Мицкевичем появились Ш. Леконт де Лиль, Ж. Санд, В. Гюго и др.

Поэтому неудивительно, что ослабление цензуры уже в первые годы правления Александра II привело к проникновению в Россию произведений ранее малоизвестных здесь авторов, например, Стендаля. Его книги вносили в сознание читателей, в том числе и юных, не только культ сильных страстей, но и боевой революционный дух, вспомним его замечательную новеллу «Ванина Ванини», которая позднее вошла в «Итальянские хроники». В ней автор воспроизводит эпизод из жизни карбонариев. Никуда не исчезли с литературного горизонта и произведения периода немецкого «бури и натиска» И. Гете и Ф. Шиллера, всегда популярные и читаемые в России.

Конечно, начинающие читатели 1850-х гг. не сразу обратились к творчеству вышеупомянутых писателей, но и на рынке развлекательной мировой литературы произошла настоящая революция. Примерно в это время в литературе возникают новые направления и жанры, напрямую повлиявшие на всю систему именно детского и юношеского чтения. Например, в начале 1840-х гг. благодаря Э. По появляется детективный рассказ³. Освоение Дикого Запада порождает романы фронта. Классиком этого жанра стал Дж.Ф. Купер. Наибольшую известность ему принес «индейский цикл» — серия романов о Кожаном чулке, охотнике и следопыте Натти Бумпо («Пионер», «Последний из могикан», «Прерия», «Следопыт» и «Зверобой»).

Тема борьбы индейцев против колонизаторов, яркие образы положительных героев, и особенно Натти Бумпо и Чингачгук, привлекали особое внимание к книгам Купера как читающей публики, так и передовой критики. На эту мощную харизму положительного героя обратил внимание такой столь проницательный и почитаемый образованным российским обществом критик, как В.Г. Белинский, отмечавший, что «много лиц, исполненных оригинальности и интереса, создала могучая кисть великого Купера... Но ни одно лицо во множестве созданных им лиц не возбуждает столько удивления и участия в читателе, как колоссальный образ того великого в своей естественной простоте существа, которого Купер сделал героем четырех романов своих» [3, с. 513].

В.Г. Белинский также отмечал, что романы Ф. Купера «совершенно самобытны и, кроме высокого художественного достоинства, не имеют ничего общего с романами Вальтера Скотта, хотя, впрочем, и были их результатом в смысле исторической последовательности развития новейшей литературы» [4, с. 41]. И, конечно, книги, где действовал Натти Бумпо, в образе которого воплощались наиболее привлекательные для юношества черты

2 Наиболее популярными были: «Друг юношества» (изд. М.И. Невзоров) и «Друг детей» (изд. Н.И. Ильин). Но эти журналы публиковали, в основном, переводы и научные статьи.

3 В 1841 г. вышел в свет рассказ «Убийство на улице Морг». Э. По опубликовал и ряд научно-фантастических произведений, например, «История Артура Гордона Пима» (1838 г.), «Нисхождение в Мальмстрем» (1841 г.).

характера — смелость, мужество, верность в дружбе, благородство и честность, стали любимым чтением детей многих стран, в том числе и России, например, в юношеские годы романами Ф. Купера, зачитывался будущий «пророк отрицания» и кумир передовой молодежи Д.И. Писарев [29, с. 13].

На этот своеобразный «литературный поворот» и его влияние на читающее российское юношество исследователи российского освободительного движения практически не обращают внимания, и, как кажется, напрасно. В это время мировой книжный рынок массовой остросюжетной литературы вообще переживал невиданный бум. Именно к 1850-м гг. появляется плеяда талантливых авторов, пишущих приключенческие романы для юношества. Во второй половине 1840-х гг. в этом стиле начали творить француз Г. Ферри и англичанин Майн Рид, автор бессмертного «Всадника без головы» и других остросюжетных романов. К ним же можно добавить и Г. Эмара — одного из родоначальников жанра вестерна.

Произведения этих авторов вслед за историко-приключенческими романами В. Скотта и Ф. Купера попадают и в Россию. Всех этих писателей объединял культ мощного положительного героя. Кроме того, эти книги, пленявшие юных читателей захватывающим сюжетом, были лишены какого-либо религиозного морализаторства, свободны от традиционных оков духовно-нравственной назидательности, характерных для детских книг из более ранних эпох.

Дополняли эту палитру произведения другого французского писателя П. де Террайля (1829–1871). Он фактически стал родоначальником жанра роман-фельетон (или романа в выпусках, романа с продолжением). Особую популярность в России обрели приключения Рокамболя, посвященные разбойнику, главарю шайки мошенников. Однако, попав на каторгу, он раскаялся в своих преступлениях и решил искупить вину, помогая несчастным людям, пострадавшим от подлости и несправедливости сильных мира сего.

Что касается российских писателей, особо привлекательными для подростков становились романтические герои Н.А. Некрасова, М.Ю. Лермонтова, о которых большинство читателей узнало из знаменитой тогда хрестоматии А. Филонова [13, с. 42; 42, с. 27], и, естественно, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Конечно, и в первой трети XIX в. в России, в различных слоях общества, имели хождение лубочные книги с авантюрным содержанием и переводные готические или, иначе, «черные романы». Эти романы «тайн и ужасов», зачастую весьма низкого литературного качества, в начале XIX в. волной захлестнули книжный рынок Европы [46, с. 5], а благодаря дешевым переводам попадали и на прилавки отечественных книжных лавок. Мальчишки того времени эти книги, конечно, тоже читали [7, с. 205; 46, с. 80]. Их влекли тайны и преступления, происходившие в готических романах на фоне средневековых замков. Это была своеобразная дань уходящей эпохе дворянского романтизма.

Но книги литераторов «новой волны», пленившие поколение юных читателей на рубеже 1850–1860-х гг., оказались иными. Они явили новый тип положительного героя: не представителя древнего аристократического рода, окутанного тайной, а человека обычного, но зачастую действующего в непростых, а то и прямо экстремальных обстоятельствах, на новых, еще неосвоенных землях. При этом героя положительного, самого созидającego свою судьбу и проникнутого неким социальным активизмом. Такой герой оказался более понятным для читателей из недворянских сословий (дети мещан, разночинцев, священнослужителей), а выходцы из этих сословий весьма массово в дальнейшем будут представлены в народническом движении.

Фактически эти книги заместили для начинающих жить подростков, причем обоих полов, старый мир литературы с его авантюрными и «готическими романами», писателями-сентименталистами, назидательно-педагогическими сочинениями и литераторами риторической школы. При этом можно согласиться с тезисом ряда исследователей о том, что уже в конце 1850-х гг. «сентиментализм во всех его видах был молодому поколению чужд... Мечтательность, томление, религиозное затишье души, всякая пассивность и колебание

в решении вопросов жизни и духа — казались молодым людям смешными пережитками или просто грехом перед собой и ближними. Литература, связанная с именем Жуковского, для людей новой формации не существовала» [12, с. 45].

И, конечно, юные читатели буквально глотали вновь появлявшиеся книги, путешествуя вместе с их героями по неведомым землям, совершая подвиги, защищая слабых и с оружием в руках борясь за правое дело. В подростковом мире на эмоциональном уровне происходило своеобразное смешение реального и книжного миров, и, как это часто бывает, в мире детства вымышленная реальность и поступки книжных героев проецировались на настоящую жизнь.

При этом особенностью российских семей было то, что старшее поколение, воспитанное в убеждении, что все разрешенное цензурой полезно молодежи, практически никак не вмешивалось в литературные запросы своих детей. В сохранившихся воспоминаниях революционеров-народников (там, где поднимается тема детства) очень часто можно обнаружить немало указаний на подобное отношение взрослых к детскому чтению [21, с. 41; 43, с. 40; 42, с. 27; 15, с. 223; 25, л. 36, 37об]. Вполне возможно, это являлось особенностью российских воспитательных подходов того времени, хотя, например, в европейских трактатах о воспитании еще конца XVII в. специально оговаривался выбор книг для чтения детей и содержалась особая рекомендация — «исключить романы, настоящий яд для души» [2, с. 390].

Поэтому в головах юных читателей частенько царил настоящий хаос из причудливого смешения различных героических типов и их деяний, но мотив самопожертвования, борьбы за справедливость всегда являлся доминирующим. Свои сумбурные впечатления от прочитанного в кишиневской гимназии так сформулировал сын обедневшего дворянина В.Ф. Костюрин: «В голове теснились сплошь лишь фантастические или героические образы, обрывки из Майн Рида, из учебников — Луция Сцевола, Брута и вообще древних римлян с их презрением к жизни и жаждой подвигов и славы; они перекликались с картинами российской истории — бунт Стеньки Разина, сцены в Астрахани, сцена казни Стеньки, «Капитанская дочка», Костюшко, Гарибальди... казались героями одного типа и, как смутный сон, стояли сцены последних дней крепостного права, случаи кулачной расправы с безответными крестьянами и детские клятвы ненависти мучителям народа» [25, с. 37 об].

Примерно так же бессистемно, но с уклоном на героическое читал, а затем по поводу прочитанного рефлексировал и сын отставного фельдфебеля, зрителя каменноугольных шахт, М.Ф. Фроленко, родившийся в Ставрополе-Кавказском. Еще будучи учеником уездного училища [41, с. 266–267], он познакомился с рассказами Н.В. Гоголя и полным изданием «Робинзона»⁴, прочитанным с захватывающим интересом [42, с. 27]. Перейдя в гимназию, несмотря на трудности в доставании книг, Фроленко добыл в гимназической библиотеке что-то о Гарибальди и его подвигах, а также читал, что удавалось достать — это несколько книг журнала «Библиотека для чтения», Смайльс, путешествия к Северному полюсу (видимо, имеется в виду «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» Ж. Верна) [41, с. 268].

А в старших классах гимназии у него появилась возможность читать переводные романы, которые, правда, скоро набили оскомину и выбор был сделан в пользу отечественных авторов, из которых в доме у Фроленко были басни Крылова, Лермонтов — «Мцыри» и «Кавказский пленник», а главное — хрестоматия Филонова, в которой он особенно зачитывался «Тарасом Бульбой... Читая и перечитывая их много раз, то увлекался Кавказом, мечтал о разных похождениях, борьбе с барсами, то весь уходил в борьбу Малороссии с Польшей» [41, с. 268].

В целом подбор авторов у подростков оставался неизменным. Об увлечении книгами отечественных писателей и поэтов романтического направления уже говорилось выше, а бок о бок с ними шли писатели, представлявшие различные направления историко-

4 В России существовала версия книги Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» переделанная немецким писателем Кемпе таким образом, чтобы адаптировать ее к детскому восприятию.

приключенческого жанра, их книгами, также как и сочинениями о путешествиях, зачитывалось в среде образованных сословий большинство российских детей, родившихся на переломе двух царствований.

Об увлечении выходца из старинной дворянской семьи П.С. Поливанова, как и других российских мальчишек той эпохи, майн-ридовской Америкой с ее благородными индейцами и их воинскими подвигами вспоминал его товарищ и биограф И.И. Майнов [17, с. 8].

А вот как свои предгимназические годы и время, проводимое за книгами и вызванными их чтением играми, описывал Н.А. Морозов, чье социальное положение, вполне сопоставимо с положением Поливанова: «Большинство видных представителей русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Кольцова, Гоголя и затем Некрасова, всегда производившего на меня вместе с Лермонтовым особенно сильное впечатление, и часть иностранных, главным образом английских писателей в русских переводах, я знал еще до гимназии, так как их произведения имелись в нашей библиотеке. Никакого выбора чтения отец для меня не делал, и я брал всякую книгу, заглавие которой казалось для меня интересным. Майн Рид, Эмар, Купер и особенно Габриель Ферри своим романом «Лесной бродяга» сильно развили романтическую сторону моей натуры и наполнили воображение всевозможными приключениями, так что впоследствии, по поступлению в гимназию, я тоже, как и многие мальчики моего времени, не избежал «сбора к индейцам» и одно время специально и детально изучал с этой целью географию Северной Америки» [21, с. 41–42].

Причем это поветрие охватывало российских детей из разных социальных групп. О своем и своих друзей увлечении в детские годы книгами Майн Рида, Г. Эмара и Ф. Купера свидетельствовал живший тогда в глухой Вятской губернии в семье мелкого чиновника Н.А. Чарушин. Он же отмечал, что это «давало нам повод устраивать и соответствующие воинственные игры» [43, с. 37]. Об интересе своем и брата к книгам о путешествиях Дж. Кука и Д. Ливингстона вспоминал рожденный в Малороссии, в Житомире, сын уездного судьи В.Г. Короленко [15, с. 223], указывавший, что «книг было не очень много и больше все товар по тому времени ходкий: Дюма, Евгений Сю, Купер, тайны разных дворов и, кажется, уже тогда знаменитый Рокамболь» [15, с. 223]. Выходец из Новороссийска, родившийся в семье военного врача, выслужившего дворянство, Л.А. Тихомиров также «глотал Густава Эмара, Дюма и т.п.» и под их влиянием вместе с товарищами «упражнялся в разных забавах» [36, с. 186].

Схожий круг чтения наблюдался и у петербуржца, представителя духовного сословия И.И. Попова, который особенно «увлекался Майн Ридом, Жюль Верном, Купером и Эмаром» [30, с. 24]. Эти же книги и служили темой для игр: «Мы строили шалаши и, разделившись на партии индейцев и европейцев, принявши клички “Красный кедр”, “Буйный вихрь” и др. воплощали в наших играх героев Г. Эмара и Майн Рида» [30, с. 24]. Теми же «Майн Ридом, Купером и т.п. сочинениями» зачитывался в Киеве сын богатого еврейского торговца Л.Г. Дейч [9, с. 9].

Конечно, эти произведения читали не только будущие революционеры. Об увлечении великовозрастных гимназистов в Новгороде романами Дюма и Понсон де Террайля о Рокамболе вспоминал П.Ф. Якубович [49, с. 124]. Их современник выходец их семьи духовного звания С.Д. Яхонтов, в будущем преподаватель средних учебных заведений, историк и архивист, человек весьма консервативных убеждений, вспоминал, что в ученические годы «охота читать была смертная... читали контрабандой, читали дозволенное, читали запрещенное» [50, с. 175]. С.Д. Яхонтов «очень любил Майн Рида, Купера, Шпильгагена» [50, с. 175].

Подобные литературные веяния охватили не только мальчиков, жаждавших подвигов и приключений, такая литература пользовалась популярностью и среди девочек. Вот что писала о книгах своего детства участница освободительного движения в России «в третьем поколении», выросшая в семье с богатыми культурными традициями О.К. Буланова-

Трубникова: «Дома я и две мои старшие подружки увлекались повестями Купера, Майн Рида, Густава Эмара и Вальтера Скотта и разыгрывали эпопеи из жизни краснокожих и средневековых рыцарей» [6, с. 138].

Подобное же увлечение пережила и С.Л. Перовская. Ее брат Василий Львович вспоминал, что летом 1863 г. (тогда Софье шел 10 год, а Василий только что закончил четвертый класс гимназии, ему было 13 лет), гостя у семьи Окуневых в имении, расположенном в Псковской губернии, зачитывались романами Майн Рида, а «в следующую зиму перечитали с Соней все остальные его романы» [27, с. 28] и затем предавались играм на их тему, причем весьма небезопасным, — «вечерами, когда отца не было дома, мы порой забирались в темный угловой коридор, ведущий в канцелярию и разыгрывали сцены охоты за индейцами; раз как-то даже развели костер из щепок на полу и чуть было не сожгли пол и угол двери, но успели спохватиться вовремя и загладить следы» [27, с. 28].

Конечно, невиданный всплеск популярности историко-приключенческого романа в среде российского юношества вполне понятен. Кроме интересной сюжетной фабулы, эта литература открывала им новые неведомые ранее страны, народы — целый новый мир, но все же главное — рисовала образ настоящего героя, человека действия, «борца без страха и упрека», словом, объекта для подражания.

Такая литература, конечно, сама по себе не формировала какой-то особенный тип личности. Но у наиболее развитых, эмоциональных, остро чувствовавших чужую боль подростков она порождала новые вопросы, навешанные уже реальной жизнью. Недаром один из пионеров изучения подросткового поведения, американский психолог Грэнвилл Стенли Холл отмечал, что подростки являются наиболее эмоционально нестабильными из всех людей. Юности сопутствует естественный импульс возбуждения: это время, когда во главе угла всего становится эмоциональность. А далее многое зависело от той среды, в которой воспитывался и рос человек. От его окружения, ментальных качеств, от того насколько в нем развиты чувства эмпатии и сострадания к ближнему.

Натуры, тонко чувствовавшие, обостренно воспринимавшие чужую боль и несправедливость окружающего мира, под влиянием, с одной стороны, прочитанных книг, а с другой — внешних проявлений жизни, начинали задумываться над более серьезными социальными темами. Вот как описывал свое впечатление от подобной литературы будущий революционер-«чайковец» Н. Чарушин: «Черты благородства и рыцарства, встречаемые в описаниях действующих лиц, всегда особенно импонировали мне, а вместе с тем даже и в этом чтении понемногу открывался для меня другой, неведомый мне мир» [43, с. 40].

И этот яркий книжный далекий мир наслаивался на увиденную вокруг несправедливость и неустроенность бытия, что порождало желание действовать, пытаться как-то воздействовать на действительность, искать ответы на наиболее болезненные вопросы русской жизни. Ответы на мучившие их социальные вопросы юноши и девушки, родившиеся на излете 1840-х — в середине 1850-х гг., прежде всего пытались найти во французских социальных и английских бытовых романах сороковых годов. Так дорогой от легкого приключенческого чтения к увлечению остросоциальными романами В. Гюго быстро прошел П. Поливанов. Причем «созданные Гюго образы Симурдена, Вильяна, Жильята и других его героев возбуждали в страстном мальчике восторг и поддерживали в нем его прирожденное влечение ко всему исключительному, беззаветно отважному» [17, с. 8].

Вполне можно согласиться с мнением исследователей о том, что эти жанры «были в России давно любимым чтением... но в начале 1860-х гг. сама трактовка фабулы этих произведений в головах молодых читателей меняется на основе увиденного вокруг и полученной информации о жизни людей обездоленных и обиженных, простонародья и трудящегося класса. И получалось, что поиски ответов на вопросы, только обозначенные в социальных западных романах, продолжались молодежью в знакомстве с научными сочинениями,

в которых «крестьянский и рабочий вопросы разрабатывались всесторонне как вопросы философские, исторические, политические, экономические и психологические» [12, с. 41], и все это экстраполировалось на российскую действительность.

Тот же Н. Чарушин очень точно это подметил: «Постепенно же развившаяся любознательность неизбежно толкала меня дальше и расширяла круг моих интересов. От Майн Рида и Купера я переходил к Диккенсу, особенно трогавшему меня любовным изображением героев, Теккерею и Сервантесу, а затем и к русским авторам» [43, с. 40]. А П. Поливанов в дальнейшем от увлечения романами В. Гюго перешел к «не менее жадному поглощению произведений французских историков и публицистов, особенно Мишле и Луи Блана, Поля Луи Курье и Рошфора... Все симпатии Поливанова с ранних лет обратились в сторону французов, итальянцев и поляков, как наций героических по преимуществу, наций, в ряде поколений выдвигавших таких борцов, как Мадзини и Орсини, Костюшко и Канарский» [17, с. 8].

Да и сама жизнь, и происходящие в мире события демонстрировали молодым людям примеры для подражания. Время конца 1850-х — начала 1860-х гг. являлось временем оживления политических процессов в мире. Это и отмена крепостного права в России, и движение за отмену рабства в США. В российской демократической печати писали о движении аболиционистов, в ней же по мере возможности публиковали их произведения. Журнал «Современник» еще в годы цензурных уставов эпохи Николая I опубликовал в 1853 г. рассказ «Дядя Том» (№ 9. С. 30–50). А в 1857 г., пользуясь цензурными послаблениями начал публиковать роман Г. Бичер-Стоу «Дред». Роман печатали под названием «Жизнь южных штатов Америки». На слуху было имя Джона Брауна, он первый попытался «поднять меч» против рабовладельцев и был казнен за это [45, с. 241–247].

В Европе вновь, после подавления революций 1848–1849 гг., наблюдался всплеск национально-освободительного движения. Это в первую очередь было связано с событиями в Италии, с именем Дж. Гарибальди. Особенную популярность Дж. Гарибальди принес знаменитый поход «тысячи краснорубашечников» (май 1860 г.), сделавший его имя в России всенародно известным, в том числе и благодаря тому, что практически во всех изданиях, невзирая на их политическую окраску, существовали разделы международной хроники, где Италии уделялось первостепенное внимание. Причем о Дж. Гарибальди писали все отечественные журналы как благонамеренные, так и демократические. Естественно, что молодежь с огромным интересом поглощала материалы о положении дел в Италии.

Вообще фигура Дж. Гарибальди в России тогда была очень популярной, и, конечно, воздействие обаяния его личности на молодое поколение нельзя недооценивать. Особенно внимательно к действиям Дж. Гарибальди присматривались демократические публицисты. В период за 1859–1861 гг. журнал «Современник» опубликовал целый цикл статей Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова об «итальянских делах» [22, с. 194–200; 32]. Очерк об итальянском герое поместил в журнале «Русское слово» (№ 8, 1860) Г.Е. Благовосветлов, отмечавший в самом начале, что «с его именем соединяется воспоминание о замечательных событиях нашего века; его меч более тридцати лет неизменно служит свободе отечества... Его простое и честное слово внушает безграничное доверие массам; его отвага одушевляет примером воина и гражданина» [5, с. 83]. О Дж. Гарибальди тогда говорили во всех слоях общества.

Конечно, читающее русское юношество, взрослевшее в эпоху перемен под влиянием литературы, воспевавшей благородных борцов и героев, тоже жаждало непосредственного действия. И, естественно, что такой реально живущий и действующий герой, как «опоясанный мечом» Дж. Гарибальди, являлся для него весьма ярким и показательным примером, как должно служить Отечеству. А ведь кроме Италии, в 1860-х гг. в Ирландии активно действовали фении, и ирландская проблематика также занимала немалое место в русской печати [19].

Таким образом, перед частью читающего, думающего и восприимчивого к чужой боли юношества открывались новые социальные вопросы, ответы на которые оно хотело найти в уже более серьезной литературе. Поэтому постепенно переходило от чтения легкого, но с культом сильного положительного героя, будившего желание ему подражать, к чтению уже более серьезному, заставлявшему размышлять и глубоко задумываться над прочитанным в поисках ответов на вопросы современного мира, то есть к литературе взрослой, способствовавшей формированию неких нравственных оценок и идеалов. А вот к этому оказывались восприимчивы отнюдь не все читатели героико-приключенческой прозы.

А далее путь для передовой молодежи прокладывала уже демократическая литературная критика. Публицисты из лагеря «Современника» и «Русского слова» еще в начале 1860-х гг. требовали от писателя изображения существенных сторон действительности и широких обобщений. Со всей силой своего публицистического таланта они обрушивались на противников иной точки зрения. Статьи литераторов и критиков этого направления, проникнутые идеями создания подлинно народной литературы, поиска идеала положительного героя, молодые люди читали в захлеб. Молодежь жаждала, чтобы на смену Рудиным и Лаврецким, сходившим с литературной сцены, пришли новые персонажи — не пассивные акторы, а действенные участники будущих глобальных событий.

В статье «Когда же придет настоящий день?», написанной незадолго до отмены крепостного права, Н. Добролюбов откровенно указал, что герой дворянской литературы не способен в новых условиях быть человеком-борцом, так как «сам кровно связан с тем, что должно восстать» [10, с. 229]. К тому же публицисты-демократы первыми открыто заявили, что таким положительным героем вполне может стать не только мужчина, но и представительница слабого пола. Пример тому — разбор Н. Добролюбовым образа Ольги в романе «Обломов» [10, с. 33, 35] и образа Елены в «Накануне» [10, с. 219]. И эти произведения ожидаемо завоевали дополнительный успех у молодых читателей и особенно читательниц.

Идеи публицистов «Современника» в еще более агрессивной форме развивал на страницах «Русского слова» Д. Писарев. Его выступления в печати, несмотря на их очевидную диалектическую упрощенность и даже некоторую вульгаризацию, снискали ему невиданную популярность в молодежной среде. И неудивительно! Именно молодежь, увлекающаяся, склонная к излишней социальной экзальтации, оказалась самой восприимчивой к яростным писаревским эскападам против старой культуры, за отстаивание социальной функции литературы [28] и т.п.

Сформулированный публицистами-демократами запрос на нового литературного героя, отражавшего устремления молодого поколения, активно разделяли и передовые читатели. Молодежи хотелось увидеть на страницах книг героя, соответствовавшего ее вновь провозглашенным идеалам. Героя, который на практике реализовал бы философские теории и общественные программы, выдвинутые различного рода прогрессивными мыслителями. Однако неготовность русской классической литературы «правильно» отреагировать на этот поколенческий запрос заставляла передовую молодежь искать и новых литературных кумиров.

Публицисты-шестидесятники, в конце концов, сами попытались изобразить в литературе тип действительного «нового человека». Его абрис очень схематично очертил в своем романе «Что делать?» Н. Чернышевский в образе таинственного и брутального Рахметова, причем в построении книги автор, зная о популярности жанра приключенческого романа в России, использовал завязку в таком стиле. На такое построение фабулы романа обратил внимание, например, американский историк А. Улам. Он отмечал: «Подростку она (книга. — О.М.) покажется приключенческим романом, полным тайн. В то время этот жанр был чрезвычайно популярен в России, и несмотря на то, что в романе нет индейцев, а действие происходит не в Африке, а в России 50-х годов XIX века, есть в этой книге элементы при-

ключенческого жанра. Застрелился или нет Лопухов? У подростка, пытающегося установить подлинную личность Бьюмонта, временами учащается пульс в счастливом ожидании возможной отгадки» [39, с. 67].

В результате, невзирая на очевидные литературные недостатки произведения, и роман, и фигура Рахметова стали культовыми в среде передовой молодежи, а сам автор с его жертвеннической судьбой — объектом настоящего поклонения у поколения 70-х гг. Именно герой Н. Чернышевского, а не герои из романов Д.Л. Морозовцова («Знамена времени») и И.В. Омулевского («Шаг за шагом»), оказавшихся менее удачными, стал кумиром поколения.

Очень точно охарактеризовала феномен Рахметова, фигура которого явилась ответом на запрос молодежи на нового литературного героя, народница А.И. Корнилова-Мороз: «И Тургенев, и Гончаров пытались изобразить этот новый тип в своих романах. Гончаров в «Обрыве» дал портрет с живого лица, но вовсе не типичного представителя класса; поэтому Марк Волохов только карикатура на нигилизм. Тургенев был слишком тонкий художник и слишком уважал новый тип, чтобы быть способным на карикатуру, но и его Базаров не удовлетворял нас. Мы в то время нашли его слишком грубым, например, в отношении к старикам-родителям, а в особенности мы думали, что он слишком пренебрегал своим обязанностями как гражданин. Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательным ко всему отношением тургеневского героя. Нигилизм, с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только переходным моментом к появлению «новых людей», не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших вместе с тем для великого дела. В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе «Что делать?», мы уже увидели лучшие портреты самих себя» [31, с. 90].

Однако если в романе Н. Чернышевского тип особенного человека чертами Рахметова только слегка обрисован, то иностранная литература, пришедшая тогда в Россию, уже изображала подобные типы людей в действии. Речь пойдет о героях романов Ф. Шпильгагена⁵. Во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг. в журнале «Дело» появились переводы практически всех романов этого автора. На передовую молодежь они произвели сильнейшее впечатление, особенно роман «Один в поле не воин» (1867 г.) и его главный герой Лео Гутман.

Чем же так впечатлил молодых российских читателей главный герой этого романа, прототипом которого послужил лидер немецких рабочих Ф. Лассаль [38, с. 52]? Лео, сын бедного сельского учителя, с детства проявлял недюжинные способности, благодаря барону Тугенхайму получил образование и под влиянием учителя-демократа Конрада Туски, открывшего ему глаза на страдания народа, приобщился к политическому движению в стране, поставил цель — посвятить жизнь борьбе за освобождение бедных и угнетенных.

Он пережил различные жизненные пертурбации, в том числе и эмиграцию после неудачной революции, и появляется в столице уже с дипломом доктора медицины, окруженный ореолом таинственности. Выступая в роли публициста и общественного деятеля, Лео стремится к осуществлению в государстве справедливых социальных реформ, ради чего идет на массу ухищрений и даже добивается расположения короля. Он движется к цели, руководимый твердым убеждением, что «судьбами народов управляет власть и сила отдельных личностей». Однако повествование заканчивается крахом планов Лео и его гибелью на дуэли. Именно этот литературный персонаж, активно действующий и готовый на все во имя достижения идеи социальной справедливости, и вызвал тогда восторг у читающей молодежи.

5 Первый роман Ф. Шпильгагена на русском языке «Загадочные натуры» опубликовал издаваемый Ф.М. Достоевским журнал «Эпоха» в 1864 г. (в номерах 8–12) под названием «Из мрака к свету».

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что Лео Гутман, как и герои «Что делать?», олицетворял своими поступками и иную этику, резко расширявшую рамки ранее допустимого в традиционном обществе. Это, например, отношения между мужчиной и женщиной, вопросы брака, отношение к религии, но главное — это раздвижение границ дозволенного в плане достижения нового социального идеала.

Фактически в России именно в этом романе Ф. Шпильгагена в литературной форме впервые был озвучен принцип: цель оправдывает средства, его сформулировал учитель Лео Гутмана Туски: «Кто служит идее, тот должен быть готов на самые тяжкие жертвы, тому предстоит жертвовать даже теми чувствами, которые слывут благородными. Не мы виноваты, что принуждены сражаться подобным оружием» [47, с. 51]. Но реальным выразителем этого этического принципа на практике выступал сам Лео. «Когда взрывают подкопом стены вражеской крепости, непременно при этом какой-нибудь дурак взлетит на воздух» [47, с. 121], — вот строй мыслей позднего Лео.

Однако для нового поколения, впитавшего в себя философию материализма, веру в научный прогресс, атеизм и вытекавшую из всего этого убежденность в ретроградности поколения отцов, это уже не являлось моральным тормозом, скорее наоборот. Молодежь именно к старшему поколению применяла размышления Лео: «Тупоумные, трусливые людишки, ни один из вас не понимает положения дел. Ни один. У всех на уме дрянные соображения то о своем положении, то о милых родственниках. И с такими-то людьми приходится делать историю» [47, с. 96]. Для молодежи, пропитанной идеями «отрицательного» направления в литературе, этот роман пришелся как раз вовремя. Неудивительно, что большое внимание ему уделила именно демократическая критика (Н.С. Курочкин, П.Н. Ткачев, М.И. Цебрикова и Г.Е. Благосветлов).

Специалисты по творчеству Ф. Шпильгагена отмечают, что «его романы становились одним из аргументов демократической критики в борьбе за утверждение жанра открыто тенденциозного, публицистического романа, за создание образа “нового человека” в русской литературе, того самого типа положительного героя, к созданию которого призывал М.Е. Салтыков-Щедрин в своей статье “Напрасные опасения” (1868 г.)» [44, с. 131]. И с этим трудно не согласиться. Думается, в рассматриваемый период времени именно герой романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин» Лео Гутман и Рахметов из «Что делать?» стали для молодых читателей прообразами «новых людей» — людей не слова, а дела и образцами для подражания у поколения 1870-х.

Очень образно этот феномен отметил В. Короленко: «И так же, как прежде, по русским захолустьям бродили Чайльд-Гарольды, Амалат-беки и Печорины, — теперь стали десятками появляться Лео и Рахметовы Чернышевского. Были даже “Лео на рахметовской подкладке”» [14, с. 269].

Причем в рядах поколения 1870-х тоже произошел разрыв и во многом он был вызван как раз полным принятием или непринятием тех литературных установок, которые тогда конкурировали за его умы. На это обстоятельство обращал внимание все тот же В. Короленко. Он отмечал, что «туманные образы Амалат-беков, Чайльд-Гарольдов, Печориных и Демонов, в сущности, очень безвредны» и молодые люди, им поклонявшиеся, «непосредственно с таинственно-мрачных высот поступали на службу», а вот «судьба русских Лео и Рахметовых была иная» [14, с. 270]. К оценке их будущего вполне применимы стихотворные строки Н.А. Некрасова:

«Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь» [23, с. 575].

Именно этой дорогой суждено было пройти многим представителям поколения 1870-х гг.

Как видим, новые литературные веяния и кумиры не просто затронули, а серьезнейшим образом переформатировали представления передовой молодежи о социальных идеалах, способах их достижения и формах служения обществу. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, отмечавших, что ими же «был сформирован образ поколения шестидесятников, ставший основой для конструирования последующих поколений в истории русской интеллигенции» [33, с. 46] и который с готовностью примерили на себя и «семидесятники».

Таким образом, система чтения, сложившаяся под влиянием демократической критики, еще более увеличила духовный разрыв между «отцами и детьми». Передовая литература фактически заменила молодежи опыт общения с представителями старшего возраста, которые, по ее мнению, не могли «правильно» отреагировать на ее интеллектуальные запросы. Молодость в силу психофизиологических черт всегда более ангажирована на некритическое восприятие новых идей, зачастую отрицающих и попирающих заветы отцов. А в пореформенной России, очнувшейся от интеллектуальной спячки, это чувствовалось особенно отчетливо. Разрыв в восприятии современных веяний отечественной литературы, оценка того, что является прогрессом для общества, навсегда раскололи мир «отцов и детей» на две антагонистические части, породив трагический конфликт поколений.

Ярко иллюстрируют такое положение дел в русском обществе воспоминания С.В. Ковалевской. «Можно сказать, что этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми, — вспоминала она. — О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” — вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей — отречься от детей» [13, с. 88].

«Старшее поколение, даже интеллигентное, но уже осевшее, успокоившееся, не могло удовлетворять многих из нас, намечавших себе более широкие жизненные перспективы», — вспоминал «чайковец» Н. Чарушин [43, с. 91]. Таким образом, учителями и главными «пастырями» молодого поколения стали публицисты-демократы и навязываемые ими литературные герои с пропагандируемыми ими моделями поведения.

Другим литературным фактором, существенно повлиявшим на судьбы поколения 70-х гг., стало массовое проникновение в пореформенный период в Россию переводной иностранной литературы. Эпоха 1860-х гг. — это период активного наступления капитализма в стране. Новые экономические явления утверждались во всех сферах жизни Российской империи, до этого долго пребывавшей в стадии стагнации, — от сельского хозяйства и железнодорожного строительства до литературного творчества и книгоиздательства.

Наступило время невиданной ранее коммерциализации издательского дела, что при явном ослаблении цензурных ограничений породило настоящий бум на открытие новых литературных и общественно-политических журналов. Если в последние 10 лет правления Николая I был разрешен выход в свет всего 16 изданий (большой частью специальных: детских, медицинских, мод и т.д.), то в первые 10 лет правления Александра II появилось 156 новых журналов [18, с. 8]. Естественно, среди них резко возросла конкуренция за читателя, а это, в свою очередь, заставляло издателей активно бороться не только за наиболее популярных российских авторов, но и уделять большое внимание рынку иностранной литературы и постановке ее перевода на русский язык практически на «промышленную» основу.

Переводной иностранный роман стал неотъемлемой частью подавляющего большинства «толстых» литературных журналов. Причем при их публикации издатели пытались соблюсти сразу несколько условий: в первую очередь, приемлемое литературное качество, а кроме того, определенная социальная заостренность романа. В результате многие «социальные

языку» западного общества оказались в том или ином виде представлены на страницах журналов и после прочтения активно проецировались на российскую действительность.

В этом ряду стоит выделить появление в России первого тома социально-исторического романа Э. Эркмана и А. Шатриана «История одного крестьянина». В 1868 г. он вышел во Франции. Его главный герой — столетний крестьянин — рассказывает о событиях революции 1789–1793 гг., свидетелем и участником которой ему довелось стать. Тогда же этот роман в сокращенном виде напечатал журнал «Дело» и он быстро обрел огромную популярность в России именно в кругах радикальной молодежи.

Более того, в дальнейшем эта книга привлекла внимание народников-пропагандистов и ее решили использовать для пропаганды в народе. Из пухлого, 900-страничного романа «чайковцы» сделали компактную пропагандистскую брошюру. В таком виде книжку и издали осенью 1873 г. В качестве авторов переделки называли имена Д.А. Клеменца, П.В. Засодимского и Л.А. Тихомирова [11, с. 73–74].

Конец 1860-х — начало 1870-х гг. пополнил число переводных романов с социальным подтекстом, изображавших «новых людей» еще несколькими знаковыми для молодежи произведениями, по популярности не многим уступавшими романам Ф. Шпильгагена. Это роман Дж. Эллиотт (Эллиотт Джордж — это псевдоним. Под ним скрывалась английская писательница Мэри Анн Эванс (1819–1880). — О.М.) «Феликс Холт, радикал» (переведен на русский язык в 1867 г.). Кроме того, в 1871 и 1872 гг. в России был издан двумя книгами немецкий роман «Эмма», принадлежавший перу И. Швейцера. Первая книга «Эммы», заканчивавшаяся изображением народной революции и приходом к власти либералов, обрела в России большую популярность именно в радикальных кругах [37, с. 88].

Более того, все вышеназванные произведения входили в так называемые программы систематического чтения для учащейся молодежи, разработанные в революционных кружках специально для нее и включавшие разделы по разным отраслям знания, в том числе и по беллетристике. Непосредственный участник народнического движения 1870-х гг. Н.И. Сергеев характеризовал такую программу: «Введением к этому чтению было — изучение Некрасова и Чернышевского», а затем уже «полагалось прежде всего прочесть известные тенденциозные романы: Шпильгагена «Один в поле не воин», «Между молотом и наковальней», Джорджа Эллиота «Радикал» (имеется ввиду «Феликс Холт, радикал» — О.М.), Эркмана и Шатриана «История французского крестьянина», «Эмму» Швейцера. Из русских литераторов прежде всего «Знамение времени» Мордовцева» [34, с. 42]. Как видим, среди перечисленных литературных произведений наличествуют как европейские, так и российские сочинения.

ВЫВОДЫ. Из всего вышесказанного можно заключить, что новые веяния в мировой литературе конца 1840–1860-х гг. самым неожиданным образом повлияли на общественно-политическую ситуацию в Российской империи в начале 1870-х гг. Благодаря усилиям отечественных литературных критиков-демократов они обрели невиданную популярность среди учащейся молодежи, а главные герои этих произведений с их «новым» этическим кодексом стали объектом подражания для представителей передовой части молодежного социума. Как отмечали непосредственные очевидцы той эпохи, для передовой части молодого поколения «не знать Некрасова, не говорить языком его стихотворений — было страшным грехом, а не жить по идеалам Чернышевского, не подражать его героям — считалось у нас отсталостью» [34, с. 42].

Таким образом, погружение молодежи в мир остросоциального литературного романа служило обрядом своеобразной идейной инициации. Следование такой системе чтения стало в среде передовой молодежи начала 1870-х гг. своеобразным маркером на принадлежность «свой — чужой». И по сути, являлось для начинающих радикалов первым шагом на пути к той «мировоззренческой ломке», которая в дальнейшем будет совершаться

через сочетание чтения социальных романов с изучением трудов западных материалистов-естествоиспытателей и социологов. Завершится она созданием первых народнических кружков, пропагандирующих и развивающих идеи революционных пророков того времени — П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина. И благодаря знакомству с их теориями главной целью для передовой части поколения 1870-х гг. станет служение идее народного освобождения через осуществление социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг.: Колос, 1924. 459 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996. 416 с.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т.V. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 863 с.
4. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х т. Т.II. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948. 932 с.
5. Благосветлов Г.Е. Гарибальди (очерк). // Шестидесятники. М.: «Советская Россия», 1984. С. 83–93.
6. Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.—Л.: Госиздат, 1928. 214 с.
7. Воспоминания Бестужевых. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 891 с.
8. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 244–268.
9. Дейч Л.Г. За полвека. М.—Л.: Госиздат, 1926. 279 с..
10. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. в 6-ти т. Т.II. М.—Л.: ГХИЛ, 1935. 768 с.
11. Захарина В.Ф. Голос революционной России. (Литература революционного подполья 70-х годов. «Издания для народа»). М: Мысль, 1971. 238 с.
12. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско-исторические концепции 40–60 годов. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 204 с.
13. Ковалевская С.В. Воспоминания детства; Нигилистка. М.: «Советская Россия», 1989. 304 с.
14. Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1–2. М.: Художественная литература, 1976. 552 с.
15. Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3–4. М.: Художественная литература, 1976. 400 с.
16. Круглый стол «народничество / неонародничество XIX–XX веков: сущность, проблема нереализованности потенциала и актуальность их интеллектуального наследия сегодня // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14., № 1. Ч. 2. С. 438–452.
17. Майнов И.И. Петр Сергеевич Поливанов (Биографический очерк) // Поливанов П.С., Майнов И.И. Алексеевский равелин. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
18. Макушин Л.М. Цензурный режим и журналистика: от «чугунного устава» 1826 г. до закона о печати 1865 г.: в 2-х книгах. Кн.II. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 228 с.
19. Милевский О.А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 70–89.
20. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1991. 208 с.
21. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 407 с.
22. Н.Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М.: Наука, 1981. 284 с.
23. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н.А. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966. С. 295–581.
24. Никитина Е.Е. Развитие детской литературы и периодики второй половины XVII–первой половины XIX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 4 (19). С. 93–100.
25. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 282. Оп. 1. Ед.хр. 335.

26. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
27. Перовский В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.— Л.: Госиздат, 1927. 116 с.
28. Писарев Д.И. Исторические эскизы. Избранные статьи. М.: Изд-во Правда, 1989. 608 с.
29. Писарев Д.И. Надо мечтать! М.: «Советская Россия», 1987. 432 с.
30. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.: Academia, 1933. 215 с.
31. Революционеры 1870-х гг. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л.: Лениздат, 1989. 439 с.
32. Романика А.С. Национально-освободительное движение в Италии в общественно-политической публицистике Н.Г. Чернышевского // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Рязань, 2016. С. 263–266.
33. Сабурова Т., Эклаф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Литературное обозрение, 2016. 448 с.
34. Сергеев Н.И. Из жизни людей семидесятых годов // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. док. / Отв.ред В.Н. Гинев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 38–102.
35. Тихомиров Л.А. Памяти Ю.Н. Говорухи-Отрока // Русское обозрение. 1896. № 9. С. 341–360.
36. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.
37. Травушкин Н.С. Зарубежная беллетристика в русском революционном обиходе // Из истории русской и зарубежной литературы. Саратов: Изд-во СГПИ, 1968. С. 79–98.
38. Травушкин Н.С. Как читали в России роман Шпильгагена «Один в поле не воин» // Русская литература и освободительное движение. Ученые записки КГПИ. Вып. LXIV. Сб. 1. 1968. С. 51–71.
39. Улам А. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 510 с.
40. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. // Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 400 с.
41. Фроленко М.Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное издание. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 263–271.
42. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. 340 с.
43. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М.: Мысль, 1973. 408 с.
44. Чернышева Л.А. Фридрих Шпильгаген: поздние романы, теоретические искания, литературная судьба. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2001. 179 с.
45. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16-ти т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1949. С. 241–247.
46. Чтение в дореволюционной России / Ред. А.И. Рейтблата. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1995. 170 с.
47. Шпильгаген Ф. Один в поле не воин. б.г. 442 с.
48. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971, № 4. С. 6–20.
49. Якубович П.Ф. Повести о детстве и юности. М.: «Советская Россия», 1989. 272 с.
50. Яхонтов С.Д. Воспоминания. 1853–1917 гг. В 2-х т. Т. 1. М.— Рязань: АИРО-XXI, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова 2017. 928 с.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. *Obshchestvo «Zemlya i volya» 70-h gg. po lichnym vospominaniyam* [The society «Land and Liberty» of the 70s on personal memories]. Pg.: Kolos, 1924. 459 s.
2. Ar'es F. *Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life under the Old Order]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1996. 416 s. (In Russian).

3. Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]: in 13 vol. Vol. 5. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 863 s. (In Russian).
4. Belinskij V.G. *Sobr. soch.* [Collected Works]: in 3 vol. Vol. 2l. M.: OGIZ Goslitizdat, 1948/ 932 s. (In Russian).
5. Blagosvetlov G.E. *Garibal'di (oчерk)* [Garibaldi (outline)] // *Shestidesyatniki [Sixties]*. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1984. S. 83–93. (In Russian).
6. Bulanova-Trubnikova O.K. *Tri pokoleniya* [Three generations]. M.— L.: Gosizdat, 1928/ 214 s. (In Russian).
7. *Vospominaniya Bestuzhevyyh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. M.— L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 891 s. (In Russian).
8. Vygotskij L.S. *Problema vozrasta* [Age problem] // *Collected Works* in 6 vol. Vol. 4. Child psychology. M.: Pedagogika, 1984. S. 244–268. (In Russian).
9. Deich L.G. *Za polveka* [For half a century], M.— L.: Gosizdat, 1926. 279 s. (In Russian).
10. Dobrolyubov N.A. *Poln. sobr. Soch* [Full composition of writings]: in 6 vol. Vol. 2. M-L.: GHIL, 1935. 768 s. (In Russian).
11. Zaharina V.F. *Golos revolyucionnoj Rossii. (Literatura revolyucionnogo podpol'ya 70-h godov.)* [The voice of revolutionary Russia: literature of the revolutionary underground movement of the 1870 s], M: Mysl', 1971. 238 s. (In Russian).
12. Kirillova E.A. *Oчерki radikalizma v Rossii XIX veka. Filosofsko-istoricheskie koncepcii 40–60 godov* [Essays on radicalism in Russia in the 19th century. Philosophical and historical concepts of the 40s-60 s]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1991. 204 s. (In Russian).
13. Kovalevskaya S.V. *Vospominaniya detstva; Nigilistka* [Childhood memories. Nihilist]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1989, 304 p. (In Russian).
14. Korolenko V.G. *Istoriya moego sovremennika* [History of my contemporary]. Vol.1–2. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1976. 552 s. (In Russian).
15. Korolenko V.G. *Istoriya moego sovremennika* [History of my contemporary]. Vol.3–4. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1976. 400 s. (In Russian).
16. *Kruglyj stol «narodnichestvo / neonarodnichestvo XIX–XX vekov: sushchnost', problema nerealizovannosti potentsiala i aktual'nost' ih intellektual'nogo naslediya segodnya* [Round table “populism / neo-populism of the 19th-20 th centuries: the essence, the problem of unrealized potential and the relevance of their intellectual heritage today // *Idei i idealy*, 2022, Vol.14., N 1, P. 2. S. 438–452. (In Russian).
17. Majnov I.I. *Petr Sergeevich Polivanov (Biograficheskij oчерk)* [Petr Sergeevich Polivanov (Biographical sketch)] // Polivanov P.S., Majnov I.I. *Alekseevskij ravelin*. M.: Yurajt, 2019. 187 s. (In Russian).
18. Makushin L.M. *Cenzurnyj rezhim i zhurnalistika: ot «chugunnogo ustava» 1826 g. do zakona o pečati 1865 g.* [Censorship and journalism: from the «cast iron charter» of 1826 to the press law of 1865 s]: in 2 vol. Vol. 2. Ekaterinburg: Izd— vo Ural'skogo un-ta, 2009. 228 s. (In Russian).
19. Milevsky O.A. *Irlandskij faktor v russkom osvoboditel'nom dvizhenii 1860–1880-h gg.: k postanovke problemy* [The Irish Factor in the Russian Liberation Movement of the 1860s-1880s: Toward a Problem Statement] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. N 4 (25). S. 70–89. (In Russian).
20. Mogil'ner M. *Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: Radikal'ny jmikrokosm v Rossiinachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The Mythology of the «Underground Man»: A Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis]. M.: Novoeliteraturnoe obozrenie, 1991. 208 s. (In Russian).
21. Morozov N.A. *Povesti moej zhizni* [Lead my life]. Vol.1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. 407 s. (In Russian).
22. N.G. Chernyshevskij *v obshchestvennoj mysli narodov zarubezhnyh stran* [N.G. Chernyshevsky in the social thought of the peoples of foreign countries]. M.: Nauka, 1981. 284 s. (In Russian).

23. Nekrasov N.A. *Komu na Rusizhit' horosho* [Who lives well in Russia] / Nekrasov N.A. Selected works in 2 vol. Vol. 2, M.: Hudozhestvennaya literatura, 1966. S. 295–581. (In Russian).
24. Nikitina E.E. *Razvitie detskoj literatury i periodiki vtoroj poloviny XVII–pervoj poloviny XIX vv.* [The development of children's literature and periodicals in the second half of the 17th–first half of the 19th centuries] // *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*, 2014, N 4 (19). S. 93–100. (In Russian).
25. *Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OPI GIM)* [State Historical Museum (Department of written sources)]. Fond. 282. Op. 1. Ed.hr. 335. (In Russian).
26. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad ili priverzhennost' traditsiyam? «Kruglyj stol»* [Liberation movement in Russia: a modern look or adherence to traditions? "Round table"] // *Otechestvennaya istoriya*, 1999, N 1. S. 3–18. (In Russian).
27. Perovskij V.L. *Vospominaniya o sestre (Sof'e Perovskoj)* [Memories of a sister (Sofya Perovskaya)]. M.—L.: Gosizdat, 1927. 116 s. (In Russian).
28. Pisarev D.I. *Istoricheskie eskizy. Izbrannye stat'i* [Historical sketches. Featured Articles]. M.: Izd-vo Pravda, 1989. 608 s. (In Russian).
29. Pisarev D.I. *Nado mechtat'!* [Gotta dream!]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1987. 432 s. (In Russian).
30. Popov I.I. *Minuvshee i perezhitoe. Iz vospominanij* [Past and experienced. From memories]. M.: Asadema, 1933. 215 s. (In Russian).
31. *Revolucionery 1870-h gg. Vospominani yauchastnikov narodnicheskogo dvizheniya v Peterburge* [Revolutionaries of the 1870s Memoirs of participants in the populist movement in St. Petersburg]. L.: Lenizdat, 1989. 439 s. (In Russian).
32. Romanika A.S. *Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Italii v obshchestvenno-politicheskoy publicistike N.G. Chemyshhevskogo* [The national liberation movement in Italy in the social and political journalism of N.G. Chemyshhevsky] // *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya vseobshchej istorii v shkole i vuze*. Ryazan', 2016. S.263–266. (In Russian).
33. Saburova T., Eklaif B. *Druzhba, sem'ya, revolyuciya: Nikolaj CHARUSHIN i pokolenie narodnikov 1870-h godov* [Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and the Populist Generation of the 1870s]. M.: Literaturnoe obozrenie, 2016. 448 s. (In Russian).
34. Sergeev N.I. *Iz zhizni lyudej semidesyatykh godov, Iz istorii «Zemli i voli» i «Narodnoj voli». Spory o taktike. Sb. dok.* [From the history of «Land and Freedom» and «Narodnaya Volya». Disputes about tactics. Sat. doc.]. M.; Spb.: Al'yans-Arheo, 2012. S.38–102. (In Russian).
35. Tihomirov L.A. *Pamyati YU.N. Govoruhi-Otroka* [In memory of Y.N. Govoruhi-Otroka] // *Russkoe obozrenie*, 1896, № 9. S. 341–360. (In Russian).
36. Tihomirov L.A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. M.: Izd-vo zhurnal «Moskva», 2000. 720 s. (In Russian).
37. Travushkin N.S. *Zarubezhnaya belletristika v russkom revolyucionnom obihode* [Foreign fiction in Russian revolutionary everyday life] // *Iz istorii russkoj i zarubezhnoj literatury*, Saratov: Izd-vo SGPI, 1968. S. 79–98. (In Russian).
38. Travushkin N.S. *Kak chitali v Rossii roman SHpil'gagena «Odin v pole ne vojn»* [How people in Russia read Shpil'gagen's novel «One man is not a warrior»] // *Russkaya literatura i osvoboditel'noe dvizhenie, Uchenye zapiski KGPI, Vyp. LXIV, Sb.1*, 1968. S. 51–71. (In Russian).
39. Ulam A. *Bol'sheviki. Prichiny i posledstviya perevorota 1917 goda* [The Bolsheviks. The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia]. M.: ZAO Centrpoligraf, 2004. 510 s. (In Russian).
40. Figner V.N. *Zapechatlennyy trud* [Imprinted Labor] // Figner V.N. Full composition of writings in 7 vol. Vol.1. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhanissyl'no-poselencev, 1932. 400 s. (In Russian).
41. Frolenko M.F. *Autobiography, Deyateli SSSR i revolyucionnogo dvizheniya Rossii: Enciklopedicheski jslovar' Granat* [Figures of the USSR and the revolutionary movement of Russia: Encyclopedic Dictionary Gamet], M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. S. 263–271. (In Russian).

42. Frolenko M.F. *Zapiski semidesyatnika* [Notes of the Seventies]. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhanissyl'no-poselencev, 1927. 340 s. (In Russian).
43. Charushin N.A. *O dalekom proshlom. Iz vospominanij o revolyucionnom dvizhenii 70-h godov XIX veka* [About the distant past. From the memories of the revolutionary movement of the 70s of the XIX century]. M.: Mysl', 1973. 408 s. (In Russian).
44. Chernysheva L.A. *Fridrix SHpil'gagen: pozdnie romany, teoreticheskie iskaniya, literaturnaya sud'ba* [Friedrich Spielhagen: late novels, theoretical research, literary fate]. Dissertation Ph.D. the story sciences. Voronezh, 2001. 179 s. (In Russian).
45. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: in 16 vol. Vol.6. M.: Goslitizdat, 1949. S. 241–247. (In Russian).
46. *Chtenie v dorevolucionnoj Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia] / Red. A.I. Rejtblata. M.: Gosb-ka SSSR im. V.I. Lenina, 1995. 170 s. (In Russian).
47. *SHpil'gagen F. Odin v pole ne vojn* [There is safety in numbers]. b.g. 442 s. (In Russian).
48. El'konin D.B. K probleme periodizacii psicheskogo razvitiya v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood] // *Voprosy psihologii*, 1971. N 4. S. 6–20. (In Russian).
49. *Yakubovich P.F. Povesti o detstve i yunosti* [Tales of childhood and youth]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1989. 272 s. (In Russian).
50. Yakhontov S.D. *Vospominaniya. 1853–1917 gg.* [Memories. 1853–1917]: in 2 vol. Vol.1. M.—Ryazan': AIRO–XXI, Ryazanskij gosudarstvennyj medicinskij universitet imeni akademika I.P. Pavlova 2017. 928 s. (In Russian).